

Сон-богатырь

Contents

Сон-Богатырь	1
Глава 1	1
Глава 2	4

Сон-Богатырь

Глава 1

Случилось это давно, вряд ли кто подтвердит, было то вообще или какой чудак выдумал. А начинается сия история во славной стране Святоруси, в деревне Бородачи, что спряталась за леском близ стольного города Златоглавца, названного так, потому что весь в золоте горел. Жили в нём люди крайне богатые, вот и ставили себе на домах купола золотые, а те, кто всё же победнее был, деревянные в золотую краску вымазывали. Прозвали село же так, дескать, оттого, что основали его три мужика с бородами в две косые сажени длиною, да никто в эту чушь не верит. Мужики везде бородаты, а чтобы такие бородачи отрасли, ещё не бывало, разве в каких краях заморских. Жил в той деревне старик Жиробуд с женой своей Переславой, которая была на тридцать лет его моложе и пригоже тоже. И было у него два сына ещё от предыдущей супруги, которая лет пять назад околела. Старшой Вячемир и младший Хотебуд. Вячемир уродился повыше, а Хотебуд пошире, пожалуй, с них и этого хватит. И вопреки всяким вашим сказкам, оба были балбесы.

Сам Жиробуд являлся зажиточным купцом и, хотя рассказывал в городе всякие байки о дальних странах, торговал в основном тем, что у него на полях росло, да в мастерских делалось руками батраков. Перекупал, правда, бывало, товары у чужеземных гостей, тех, кто попроче да пооткрытее попадался на подходе к Златоглавцу-граду, и всякие диковинки, потом втридорога

толкал на ярмарках. Ещё дружил он с деревенским старостой крепко. Сам мог бы старостой стать, да отчего-то не захотел. В народе говорят, не пожелал лишнюю работу на плечи брать, у него, мол, и без этого дел полно, дом и так – полная чаша. Но при таком богатстве ездить на ярмарку в Златоглавец купец любил сам, не доверял он работничкам-тунеядцам, а уж детишкам своим и подавно. Как-то раз отправил их по этому заданию (сам занемог тогда), так больше зарёкся. Эти двое товар-то сбывали с горем пополам и себе в убыток, да только половину выручки пропили, а вторую под хмелем на медвежьих боях в княжьем дворе просадили. Как об их зады хворостины ломались, во всех окрестных сёлах слышали.

Подходила летняя ярмарка, Жиробуд суетится начал, а годы своё берут: то спину заломит, то нога подвернётся, то пузо за угол стола зацепится... Пришлось думать, кого с собой брать. Стоит тут отвлечься ненадолго и указать, что жаден был купец, только всю свою братию зазря дискредитировал. Чужому человеку не позволял и глянуть косо на своё добро, коли тот его покупать не собирался. В тот раз, когда батраки за него поехали (купец тогда о свинью споткнулся и ногу подвернул), он же весь день на постели ёрзал, доводя жену-молодую нутьём, не давал ей ни с подругами через окно похихикать, ни с молодцом Милославом, княжым лесничим, поболтать. И чего его только тут носит?

– Эх, – вздохнул Жиробуд, хлопнув пухлой ладонью о стол. – Надо брать этих лободырных, к семейному ремеслу приобщать, а то ведь всё по ветру пустят. Лучше сейчас начать, потом совсем... эх.

– Угу-угу, – отозвалась Переслава. Её сейчас куда больше заботило красоту на ногти навести, да гребнем перламутровым волосы причесать.

– В конце концов, не могут же они настолько бестолковыми быть? – словно самого себя спросил разочарованный отец. – Моя ж кровь! А я ведь, ох!

– Угу-угу. И маслица душистого для серёг прикупи, а то на улицу выйти стыдно.

– А, да что с тебя взять, что с ветром говорить и то проку больше, – купец махнул рукой, встал и выковырял пузо из-под столешницы. Накинул кафтан бархатный с медными пуговицами и протиснулся в дверь.

На дворе солнышко припекало, тихий ветер дул на яркие подсолнухи, а те едва ему в ответ головами качали. С плетня

загорланил петух, как обычно не ко времени, такой же ленивый и раскормленный был, как хозяин. Понапрасну пугал всех своим поздним скрежетом. Жиробуд схватил валяющийся у скамейки лапоть, только его свил кто-то, и зарядил в петуха.

- Опять всё продрых, каплун жирный! Что толку от тебя, зажарить да слопать.

Тяжело топая красными с золотом сапогами, купец направился на шум голосов развесёлой компании, поругиваясь по пути то на подвернувшийся камушек, то на наглую ворону, скачущую у него перед носом и клюющую зерна, разбросанные для кур.

Братья сидели на дворе перед теремом, вторым после старостиного, да и последним в селе, и играли в карты на щелбаны, взяв третьим щербатого пастушка. Втроём-то оно веселее, больше шансов самому щелбан отвесить. Жиробуд, широко размахивая при ходьбе руками, в два шага смерил двор - ведь нашлась прыть, - и одарил сыновей звонкими затрещинами.

- Эх вы, божедурье великорослое, на что мне только свалились?
- пораздумав с секунду, купец треснул подзатыльником ещё и пастушка, да так, что тот с колоды, где сидел, свергся. - Вы разве не должны повозки добром грузить? Князь нынче большую ярмарку затеял, позвал гостей немчурских с рожжами напудренными. А у них золото, что для нашего брата семечки, - он махнул на покачивающееся подсолнуховое поле. - Чего ж вы расселись, а ну за работу!

- А чего это мы, батюшка, будем кули таскать? - встал в позу Вячемир. - Для того у нас работнички имеются.

- Работнички, - недовольно повторил купец. - Не будь вы такими дурнями, я бы их вообще к своему имуществу близко не подпускал. Ишь, глазенки какие жадные, только отвернись, сразу чего-нибудь стащат.

Для острастки он погрозил работникам кулаком, те начали закидывать тюки быстрее, а потом отойдут за телегу и давай Жиробуда на все лады раскладывать и казать всякое неприличное. У того аж уши огнём загорелись. Но сыновей всё же встряхнул да погнал к телегам.

- Хотите наследство получить, так нечего лясы точить, - прибавил купец в рифму, подгоняя детин пинками.

Управились только после полудня, караван через полдеревни протянулся на диво мужикам. Те, привалившись к плетням, мусоля колосья и почесывая бороды, забивали спор, чего да

сколько там в этих телегах нагружено. Не забывали и купца Жиробуда «добрым» словом помянуть. Не любили его за жадность, да и как можно? Он и батракам-то своим платил вдвое меньше, чем надобно, а уж если кто помочь попросит – хорошо ещё собак не спустит.

Наевшись ватрушек на дорожку, Жиробуд уселся в самую большую повозку, что впереди остальных стояла, а сыновей в дальний конец поезда отправил, «чтобы следили, кабы кто не своровал». Так и поехали в престольный Златоглавец-град.

Глава 2

Путь до стольного града лежал недлинный и живописный, дорога проходила между изумрудными лугами с одной стороны и светлыми берёзовыми рощами с другой. Но Жиробуд умудрился заснуть, раскачиваясь на горе тюков да кулей, куда залез, как басурманский идол. Иногда только он подскакивал, тряся щеками, и вопил: «А ну положи!»; после чего снова принимался распугивать воробьёв громогласным храпом. Уже почти у самых ворот его разбудил шум огромной толпы: в Златоглавец тянулось столько пестрого люда, да повозок, да ослов и волов с товаром, что едва арка не трескалась. Тут и торгашей со всего света набилось, и гостей важных со свитой во сто человек, и мужиков из окрестных и дальних деревень. Скоморохи с медведями нагло лезли к людям, скакали, на руках ходили, музыку играли и собирали гонорар. Купец сразу вооружился длинной палкой, которой отбивался от всякого рода попрошаек, вяло махая этим дрыном, словно корова хвостом. Над ним только потешаться стали, а он знай, палкой махает, да шлёт всех, откуда вылезли.

В таком столпотворении даже не было времени облапошить всяких темноликих челмоносцев из далекой Тфундии, на них у Жиробуда особые уловки имелись, они народ бесхитростный. А как прошли в город да более-менее выбрались на простор, вокруг одни еллины околачиваются. С этими лучше делов не иметь, сам того и гляди без портов останешься. Ох, и хитры же эти еллины, мало кто с ними тягаться станет, вот и купец наш не стал.

А вокруг благолепие, всё в красках ярких, крыши золотом горят, на стене головы конские деревянные с гирляндами. Весь город украсили по высшему разряду. Ярмарка от края до края раскинулась, яблоку упасть негде, всюду шатров да прилавков понаставлено видимо-невидимо, и чего на них только нет!

Наперво Жиробуд нашёл место на ярмарочной площади поудобнее, а ежели кто хотел туда первым влезть, того пузом выталкивал. Расставил батраков вокруг горы товаров, которые прямо так и свалил, заодно свистнул пяток дружинников княжьих и заплатил тем, чтобы за батраками следили, а сам начал за ними приглядывать, с такой иерархией оно удобнее. До эдакой вот дурости у него порой доходило. Сыновей тоже к работе пристроил, Вячемир зазывалой сделался, он длинный и орать громко умеет, что самому Великому князю Держимиру в тереме слышно будет. А Хотебуд каждого любопытного, кто у кучи остановится, хватал так вежливо за руку, за плечо или за грудки и чуть в руки всяких товаров не совал. Тут уж хочешь, не хочешь, приходилось покупать, а то мало ли... Так и торговали. Только народец попрличнее и поважнее купец на себя брал, сразу всю желчь выплевывал, начинал елейным голоском напевать, хвалить наряды да щедрость людей, которых впервые видел. Но работал такой прием удачно.

Однако братьям-лоботрясам быстро надоело драть глотки и цеплять зазевавшихся покупателей. Вокруг ярмарка кипит, а они тут торчат, слыханное ли дело?! Но из-под зоркого взгляда Жиробуда просто так не улизнёшь. Вот и стали они, чтобы развлечься хоть чуть-чуть, понемногу таскать из батюшкиных коробов то сливу, то персик. Сгрызут фрукт, а косточку запульнут в толпу. Стоит выскочить разгневанному мужику с шишкой на лбу (чем братьев Бог не обделил, так это силушкой, хоть и тратили её понапрасну), то охальники тут же примут премилый вид и снова покупателей окликают. Так они почти до вечера развлекались, уже под конец даже начали народ от своих прилавков оплеухами и пинками отгонять, чтобы не мешали «полезным делом» заниматься. Старик Жиробуд тоже их выходки не замечал. У него оба глаза по сторонам скосились, да шею заломило от постоянного зыркания и поворачивания то туда, то сюда. И за товаром следить надо, и за работниками, и за стражей, и за сыновьями, а уж клиентов упустить, Господи сохрани! Теперь он, как заморская кукла заводная только тараторил заученные «заманухи», кивая, словно посол из Иппонии. Говорят в народе, один такой посол бывал проездом пару лет назад, так пока со всем княжьим двором поздоровался, у него от кивков голова-то и отвалилась. В этом году тоже должна была делегация пожаловать, Вячемиру с Хотебудом страсть как хотелось поглядеть, когда у послов головы поотваливаются, вот только сбежать пока никак не выходило. Купец, может, и осоловел уже вконец от такого пёстроного хоровода, от свиста флейт и переливов гуслей, да побаивались его сыновья.

И тут Хотевуд с досады как стрельнет большой персиковой косточкой в самую гущу народа, кость кому-то в лоб треснула, аж звон колокольный раздался. Раскидав мужиков, выскочил к жиробудову прилавку поп с кадилом наперевес, пыхтит от злости совсем не по-христиански. Рыжая борода кверху торчит, пудовый золотой крест на животе не висит, а лежит, сам здоровый, как два медведя.

- Это кто здесь безобразит?! - кричит. - У-у, нехристи! Развели тут пляски бесовские!

А поп могучий был, хоть пузо не меньше, чем у Жиробуда торчит, видно, что силы под ним много накопилось, набродилось. Начал подряд крестьян за шкурки хватать и трясти, да с тех спросу нет. И тут заметил он двоих парней-бездельников и прямо к ним.

- Э, брат, да это ж Поп-Боголеп никак? - толкнул Хотевуда Вячемир. - Батин товарищ. Не хорошо ты ему по лбу треснул, вона шишка какая вспрыгнула. Сейчас бить будет, у него суд короткий.

И стоит тут отметить, что Боголеп был известен на целый Златоглавец не только своими проповедями и примерной жизнью, но и суровым нравом. Чуть не по нему, даст кадилом увесистым золотым, не пожалеет... кадила. Одному бедолаге так вмазал, что того из лаптей выкинуло, а всё потому, что сказал что-то нелюбезное. Только поп всё по чести объяснил: увидел он у мужика на плечах чёрта, который всякие безобразия на уши нащёптывал, вот и решил доброе дело сделать, исцелить от напасти. И помогло ведь! Тот мужик после удара все зубы растерял, а вместо их деревянные вставил. И чтобы над ним по этому поводу не потешались, рот на замке держит и непотребств не говорит более. Таких историй много по базарам и питейным заведениям гуляло, иные и выдумывали, кто для смеху, кто для того, чтоб народ больше духовных лиц уважал.

Надвинулся Боголеп на братьев, как туча, только что молний из глаз не мечет, те в коробки с тюками вжались, за громоздким кадилом на цепи (ни дать, ни взять - кистень!) следят, моргнуть боятся. Поп посмотрел, посмотрел, да и признал парней.

- Эй, а вы не купца Жиробуда сыновья будете?! - радостно воскликнув, он положил тяжёлые ручищи им на плечи.

- Ага, - дружно кивнули братья.

- И где же родитель ваш, давно я его не видел? Даст Бог памяти, - поп показательно перекрестился, - с конца осени...

- Дык вон он сидит, - кивнул Вячемир. - Делами увлѣкся, ничего не видит окромя золота. Вы, батюшка, его по лбу щелкните, он враз опомнится.

- Ты про отца так не говори, - Боголеп погрозил парню пальцем.
- За такое тебя черти в яму уволокут. А, кстати, коли я чертей вспомнил. Вы не видели, что за шлында тут косточками кидается? Уж я его окрещу так, что на Небеса без досмотра пропустят.

Переглянулись братья, думая, чего бы соврать. Хотевуд только репу почесал, но Вячемир, будучи всё же посмекалистее (хоть тут сказки не соврали) нашѣлся:

- А это, батюшка, - говорит, - один тфундус своего мартыша выпустил погулять. Вот он тут и наводит беспорядок да лихо всякое.

- Ах, ведь вельзевел чумазый! - разозлился поп. - Понаташили всякой нечисти с елѣфантами этими, как будто у нас своего такого добра мало, только в кучи смердючи вляпаешься, тѣфу! Ну, ничего, Бог ему судья, - сделав блаженное лицо, Поп-Боголеп взглянул на небо. - Пойду я с Жиробудом потолкую.

Распрощались они с попом, вздохнули облегченно и наблюдают. Боголеп сначала звал купца, звал, никак не дозовѣтся. Опосля осмотрелся, перекрестился да как треснет того по лбу палкой, выдернув её из рук какого-то хромого. Жиробуд и впрямь опомнился, обрадовался давнему другу, обниматься полез, даже покупателя оттолкнул, сунув деньги в карман, а товару не дав. Да только стоило им сойтись, пузами уперлись друг в друга и аж отскочили. Попробовали с другого бока, всё одно, потом с разных. Так и толкались, как иппонские воины-толстуны.

- Э, эдак они до завтрашнего утра бодаться будут, - присвистнул Вячемир. - Айда в город, чего нам тут сидеть.

- И то верно, - Хотевуд плечи расправил, почесался, где нужно было, пересчитал вырученные за день деньги и заухмылялся. - Ох, и погуляем!

Полная версия на ЛитРес <https://www.litres.ru/69376162/>

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>